

RU

Семантическая и прагматическая дифференциация ключевых синонимов концепта СЧАСТЬЕ в современном русском языке

Овсепян С. А., Рыбаков М. А.

Аннотация. Цель исследования – создать верифицируемую многоуровневую модель лексико-семантического поля концепта СЧАСТЬЕ в современном русском языке, отражающую его ядерно-периферийную структуру, дифференциальные параметры и прагматические ниши синонимов. Научная новизна работы заключается в том, что впервые на базе объединенного анализа толковых, синонимических и корпусных данных русского языка разработана многоуровневая модель лексико-семантического поля СЧАСТЬЕ, внутри которой эмпирически выделены три узловые подсферы – эмоциональная радость, духовное блаженство и благоприятный исход / благополучие – и установлен набор их дифференциальных параметров (интенсивность переживания, временная протяженность, степень контролируемости, ценностно-духовная глубина). Исследование убедительно демонстрирует, что ни одна из рассматриваемых лексем-синонимов не является полным эквивалентом базового понятия: каждая закреплена за собственной стилиевой и прагматической нишей, что позволяет уточнить критерии синонимичности для абстрактных аксиологических концептов и впервые описать системную иерархию «семантических лакун» между ними. В результате сформирована многоуровневая модель лексико-семантического поля СЧАСТЬЕ, в которой выделены три узловых подсферы: 1) эмоциональная радость (радость, восторг, ликование); 2) духовное блаженство (блаженство, благодать, упоение) и 3) благоприятный исход / благополучие (удача, успех, благополучие). Показано, что ни одна из рассмотренных лексем не является абсолютным эквивалентом базового понятия: каждая закреплена за специфической прагматической нишей и стилем употребления. Полученные данные уточняют содержание концепта СЧАСТЬЕ в русской языковой картине мира и создают основу для дальнейших межкультурных и диахронических исследований эмоционально-ценностной лексики.

EN

Semantic and pragmatic differentiation of key synonyms of the HAPPINESS (СЧАСТЬЕ) concept in contemporary Russian

S. A. Hovsepyan, M. A. Rybakov

Abstract. The aim of this study is to create a verifiable, multi-layered model of the lexico-semantic field of the HAPPINESS (СЧАСТЬЕ) concept in contemporary Russian, reflecting its core-periphery structure, differential parameters, and pragmatic niches of synonyms. The scientific novelty of this work lies in the fact that, for the first time, a multi-layered model of the lexico-semantic field of HAPPINESS has been developed based on a combined analysis of explanatory, synonymic, and corpus data from the Russian language. Within this model, three key subdomains are empirically identified – emotional joy, spiritual bliss, and favorable outcome / well-being – and a set of their differential parameters is established (intensity of experience, temporal duration, degree of controllability, value-spiritual depth). The study convincingly demonstrates that none of the examined synonym lexemes are complete equivalents of the basic concept; each is anchored to its own stylistic and pragmatic niche, which allows for refining the criteria of synonymy for abstract axiological concepts and, for the first time, describing a systematic hierarchy of “semantic lacunae” between them. As a result, a multi-level model of the lexical-semantic field HAPPINESS was formed, in which three key subspheres were identified: 1) emotional joy (радость (joy), восторг (delight), ликование (jubilation)); 2) spiritual bliss (блаженство (bliss), благодать (grace), упоение (rapture)) and 3) favorable outcome / well-being (удача (luck), успех (success), благополучие (well-being)). It is shown that none of the considered lexemes are absolute equivalents of the basic concept: each is anchored to a specific pragmatic niche and style of usage. The data obtained refine the content of the HAPPINESS concept in the Russian linguistic worldview and create a foundation for further cross-cultural and diachronic studies of emotionally-valued vocabulary.

Введение

Исследование концепта СЧАСТЬЕ в русском языковом сознании сегодня приобретает особую научную и практическую значимость по нескольким причинам. Во-первых, современная лингвистика характеризуется ярко выраженным антропоцентрическим и лингвокультурологическим поворотом, при котором концепты рассматриваются как ключ к интерпретации ценностных ориентиров общества. Концепт СЧАСТЬЕ относится к ядру аксиологического пространства культуры; динамика его толкований и перенос смысловых акцентов (от *доли* и *рока* к субъективному эмоционально-ценностному переживанию) отражает глубинные культурно-исторические изменения русского менталитета. Во-вторых, несмотря на активное междисциплинарное внимание к феномену счастья (философия, психология, социология), его лингвистическое описание остается фрагментарным: отсутствует системное сопоставление словарных дефиниций, синонимических рядов и дискурсивных реализаций, что затрудняет построение целостной модели семантики и прагматики концепта. В-третьих, выявленная в статье неполнота перекрытия значений базового **концепта** соответствующими лексическими репрезентантами (лексемами-синонимами) демонстрирует отсутствие абсолютной взаимозаменяемости и указывает на необходимость уточнения критериев синонимичности для абстрактных аксиологических понятий; это, в свою очередь, важно для совершенствования отечественной лексикографической практики и для точных переводологических решений. Совокупность изложенных аргументов убедительно подтверждает актуальность работы, где комплексное исследование языкового образа счастья не только восполняет пробелы в теории, но и отвечает запросам современной гуманитарной практики.

Цель исследования определила необходимость решения следующих задач:

- 1) реконструировать когнитивно-семантическую структуру концепта СЧАСТЬЕ (ядерные и периферийные компоненты) на основе словарных дефиниций и корпусных контекстов;
- 2) выявить и описать дифференциальные параметры ключевых синонимов (интенсивность, длительность, контролируемость, ценностно-духовная глубина) посредством компонентно-дефиниционного и частотного анализа;
- 3) смоделировать многоуровневое лексико-семантическое поле концепта (три подсферы – эмоциональная радость, духовное блаженство, благоприятный исход) и локализовать прагматические ниши каждой лексемы.

При решении поставленных задач применялся комплекс взаимодополняющих методов: метод направленной выборки обеспечивал репрезентативность материала, помогая отбирать дефиниции из толковых и синонимических словарей и 500 корпусных контекстов для ключевых лексем; анализ словарных дефиниций позволил реконструировать ядерные и периферийные компоненты концепта СЧАСТЬЕ, а дефиниционно-компонентный анализ – дифференцировать семы, описывающие интенсивность, длительность, контролируемость и ценностно-духовную глубину синонимов; частотный (корпусно-статистический) анализ верифицировал распределение лексем по стилям и жанрам, эмпирически подтвердив параметр «длительность/ситуативность»; наблюдение и описательный методы обеспечили систематизацию фактов и формулировку промежуточных выводов, тогда как когнитивно-прагматический анализ локализовал прагматические ниши каждой лексемы, выявив системную иерархию «семантических лакун» внутри многоуровневого лексико-семантического поля СЧАСТЬЕ.

Материалом исследования для лексико-семантического описания концепта СЧАСТЬЕ послужили словарные источники: синонимические словари; толковые и этимологические словари (для выявления диахронических компонентов концепта); фразеологические словари (для анализа идиоматики, отражающей ценностные коннотации). Примеры контекстов извлечены из Национального корпуса русского языка.

Теоретическую базу исследования составляет синтез когнитивно-семантической концептологии и лингвокультурологии (Лихачев, 1993; Воркачев, 2002; Карасик, 2010), методики компонентно-дефиниционного анализа с опорой на идеи о семантических полях и синонимии (Апресян, 1995) и классической теории лексико-семантического поля, реализованной в академических словарях синонимов (Словарь синонимов..., 1971; Александрова, 2001; Гаврилова, 2014). Диахронический ракурс обеспечен данными этимологических и толковых словарей (Фасмер, 1986-1987; Даль, 1978-1980), показывающими эволюцию праславянского *съ-щєстьє* «хороший удел» к современному субъективному переживанию, тогда как фразеологическая школа (Брилева, Телия, 2009; Багаутдинова, Байрамова, 2006) раскрывает образно-символический слой концепта через паремии типа «счастье – вольная пташка». Корпусно-статистический и социолингвистический анализ Е. И. Медведевой (Медведева, Ярашева, Макар, 2023) подтверждает распределение прагматических ниш лексем, показывая, что синонимы счастья распределены по осям интенсивности, длительности, контролируемости и духовной глубины, что, в свою очередь, позволяет смоделировать многоуровневое лексико-семантическое поле СЧАСТЬЕ с его ядерно-периферийной структурой и стилевым расслоением.

В практическом плане полученные данные могут найти применение в лексикографической практике при уточнении дефиниций и принципов организации синонимических рядов, в переводоведении для установления прагматических и семантических соответствий при передаче абстрактных понятий, а также в преподавании русского языка как иностранного (РКИ), где реконструкция культурно маркированных концептов содействует формированию межкультурной компетенции.

Обсуждение и результаты

Концепт СЧАСТЬЕ, как и другие аксиологически нагруженные концепты, рассматривается как универсальная ценностно-семантическая категория, отражающая мировоззрение носителей языка, что подчеркивается,

в частности, в исследовании семантических рядов (Грдзелян, 2024). В современной лингвистике концепт понимается как базовая единица культуры – сложное ментально-языковое образование, в котором сконцентрированы знания, эмоции и ценности (Дмитриева, 2013, с. 13). Согласно классическому определению Д. С. Лихачева, концепты можно рассматривать как «сгустки культуры» (1993, с. 4) в сознании языковой личности. Концепт СЧАСТЬЕ относится к ядру аксиологического пространства культуры; динамика его толкований и перенос смысловых акцентов – от доли и рока к субъективному эмоционально-ценностному переживанию – отражает глубинные культурно-исторические изменения русского менталитета.

По мнению Е. А. Черкашиной, под счастьем носители русского языка понимают прежде всего «чувство и состояние полного удовлетворения, успех, удачу» (2016, с. 38). Существенную часть содержания концепта действительно составляют компоненты *успеха* и *везения*. В традиционном представлении славян счастье ассоциировалось с удачей и судьбой, положительный исход которых воспринимался как нечто дарованное извне, а не результат личных усилий (Кафтан, 2021, с. 522). Этот элемент непредсказуемости сохраняется и в современном языковом сознании: в традиционной русской картине мира счастье во многом воспринимается как *везение*, дар судьбы (Абрамова, Валеева, 2024, с. 86). Данное наблюдение созвучно выводу А. Д. Шмелева о том, что для носителей русского языка счастье – это во многом именно удача, неожиданный подарок фортуны (Шмелев, 2002, с. 34).

Одновременно счастье осмысливается и как высшая степень удовлетворенности жизнью, ощущение полноты бытия (Gilyazova, Zamoshchansky, Zamoshchanskaya, 2025, p. 14). Лингвокультурологический анализ свидетельствует о том, что в русском языковом сознании концепт счастья обладает отчетливо выраженной духовно-нравственной семантикой: он соотносится преимущественно не с материальным достатком, а с внутренней гармонией, семейными ценностями, любовью и экзистенциальным самоосмыслением (Идзибагандова, 2021). Например, в результате когнитивного моделирования многокомпонентной структуры концепта З. К. Дербишева (2020, с. 60) выделяет ряд аспектов: понятийный (ценностный) признак возвышенного понимания счастья, образно-символический компонент (метафоры размера, веса, света и т. п.), а также категории способов обретения счастья. Фразеологизмы и пословицы, проанализированные в работах Г. А. Багаутдиновой, Л. К. Байрамовой (2006), отражают народные стереотипы о счастье: оно предстает как безмятежная «малиновая» жизнь без забот (*не жизнь, а малина*) (Брилева, Телия, 2009, с. 45), как непостоянная птица (*счастье – вольная пташка*) (Брилева, Телия, 2009, с. 67), либо как нечто неуловимое (*за хвост не поймаешь*) (Брилева, Телия, 2009, с. 94). В поговорках подчеркивается также диалектическая связь счастья и несчастья (*не было бы счастья, да несчастье помогло*), а равно хрупкость и быстротечность счастья (Брилева, Телия, 2009, с. 112). Эти языковые данные подтверждают, что в русском сознании счастье – состояние высокое, но не гарантированное и требующее душевных и жизненных усилий.

В русле той же идеи И. Б. Левонтина и А. А. Зализняк (Levontina, Zalizniak, 2010, p. 295) отмечают, что русское счастье – скорее экзистенциальный идеал, нежели кратковременная эмоция, оно тесно связано с представлением о везении и благополучном ходе событий.

Таким образом, когнитивно-семантическая структура концепта СЧАСТЬЕ включает ядро и периферию. Ядро составляет представление о позитивном, желанном состоянии полной удовлетворенности жизнью – то, что словари определяют как «высшее благо» или «высшую степень довольства» (Ожегов, Шведова, 2010, с. 566). Периферию образуют дополнительные, исторически и культурно значимые компоненты: во-первых, идея удачи, счастливого случая (первоначально счастье понималось как доля, рок – ср. праслав. *sz-čestyje*: «хороший удел» (Фасмер, 1986-1987, с. 602), а у В. И. Даля: «сочастье, доля, рок, судьба» (1978-1980, с. 884)); во-вторых, представление об устойчивом благополучии, отсутствии бед и нужды (ср. у В. И. Даля: «благоденствие, благополучие, земное блаженство, покой и довольство» (1978-1980, с. 884) как компоненты значения счастья). Современные толковые словари фиксируют эти нюансы: так, С. И. Ожегов (Ожегов, Шведова, 2010, с. 566) дает два основных значения слова *счастье*: 1) состояние полного (высшего) удовлетворения; 2) удача, успех. Это говорит о том, что концепт объединяет внутреннее переживание и внешний фактор фортуны. Иными словами, *счастье* в русском понимании – многосоставное понятие: и эмоциональное переживание радости, и итог жизненного пути, и подарок судьбы, и общее благополучие. На основе словарных дефиниций и корпусных примеров можно заключить, что ядром концепта выступает аксиологически положительное состояние (антипод несчастья), тогда как периферийные компоненты привносят дополнительные оттенки смысла, раскрывающие причины и формы этого состояния (удача, успех, благополучие, духовная благодать и т. д.).

Переходя к анализу синонимов понятия «счастье», отметим, что для его более детального описания были привлечены данные различных словарей. Совокупно словари фиксируют ядро синонимического ряда *счастья*, куда входят, в частности: *радость, восторг, ликование, блаженство, благодать, удовольствие, наслаждение, удача, успех, благополучие* и др. (Александрова, 2001, с. 493), (в некоторых источниках – также образные номинации, например, *синяя птица* как символ счастья (Гаврилова, 2014, с. 497)). Все эти лексемы объединены общим значением, близким к базовому концепту СЧАСТЬЕ, однако полными семантическими эквивалентами слова «счастье» они не являются. Каждая имеет свою специфику.

С точки зрения компонентного (семного) анализа у всех рассматриваемых слов имеется общий интегральный семантический компонент – значение *позитивного, желательного состояния*, противоположного несчастью, горю (Гаврилова, 2014, с. 497). Иначе говоря, все они выражают идею удовлетворенности жизнью в том или ином аспекте. Однако при сравнении дефиниций и употребления обнаруживаются важные дифференциальные признаки, разделяющие поле СЧАСТЬЯ на несколько семантических подсистем. Выявлено четыре основных параметра дифференциации:

(а) характер переживания: эмоционально-психологическое чувство vs объективно-ценностное состояние. Одни синонимы представляют счастье именно как эмоцию, внутреннее ощущение (например, *радость, восторг, наслаждение*), другие – как внешнее благополучие, стечение обстоятельств или результат (*удача, успех, благополучие*). Это разделение соответствует двум традиционным аспектам счастья, отмеченным исследователями: субъективному и объективному (Багаутдинова, Байрамова, 2006, с. 62);

(б) интенсивность и продолжительность: от мгновенной вспышки до длительного состояния. Синонимы существенно различаются по силе обозначаемой эмоции и ее временному охвату. Например, *восторг* – краткий, бурный всплеск чувства, а *благополучие* – размеренное, долговременное состояние довольства жизнью (Словарь синоним..., 1971, с. 67);

(в) контролируемость: счастье как результат собственных усилий vs счастье как дар судьбы. Этот параметр отделяет, скажем, *успех* (то, чего можно добиться целенаправленными действиями) от *везения* (то, что происходит случайно, вне контроля человека);

(г) ценностно-духовная глубина: счастье как высшая духовная гармония vs счастье как утилитарное удовольствие. Здесь противопоставляются такие понятия, как *блаженство, благодать* (возвышенное, священное счастье души) и, например, *удовольствие* (просто приятное ощущение, наслаждение материальными или моментальными благами).

Именно сочетание указанных параметров формирует уникальный смысловой профиль каждой лексемы. Можно сказать, что разные слова «размещают» счастье в разных сегментах семантического пространства. Так, концепт СЧАСТЬЕ в узком смысле сочетает и эмоциональный, и ценностный планы, но чаще употребляется, когда речь идет о глобальном, общем удовлетворении жизнью (Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 433); тогда как *радость* ограничена преимущественно эмоциональным планом (Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 567), а *благополучие* – ценностно-материальным (Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 148). Это проявляется и в сочетаемости: например, типично пожелать другому счастья или благополучия (нормативные формулы благопожелания), но не желают кому-либо наслаждения или ликования – последние не вписываются в жанр пожелания, так как описывают частные, ситуативные эмоции. В русском языке устойчиво функционирует выражение *получить удовольствие*, тогда как конструкция *получить счастье* не имеет широкого употребления, что указывает на восприятие счастья не как достижимого или предоставляемого по желанию состояния, а как категории иного, более абстрактного порядка. Языковые ограничения такого рода отражают различия в осмыслении: *удовольствие* можно целенаправленно получить, а *счастье* нет; оно приходит свыше, как категория более высокого порядка (Воркачев, 2002, с. 45).

Рассмотрим дифференциальные параметры применительно к конкретным словам. Интенсивность и длительность: *радость* и *веселье* обозначают относительно легкие, кратковременные проявления позитивных эмоций, тогда как *восторг* и *ликование* – чувства гораздо более сильные, хотя тоже непродолжительные; в противоположность им *блаженство* или *благополучие* подразумевают глубинное или стабильное состояние счастья. Контролируемость: противопоставление особенно ясно между парой *успех* – *удача*. *Успех* обычно предполагает целенаправленные действия, упорный труд, социальную оценку достижения (Андриенко, 2016, с. 71), тогда как *удача* и близкое к ней *везение* – это счастье, зависящее от случая, удачное стечение обстоятельств, которое человеку не подвластно (Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 567). Показательно определение в словарях: С. И. Ожегов (Ожегов, Шведова, 2010, с. 702) трактует *удачу* как «успех в достижении чего-нибудь», а *успех*, прежде всего, как «удачу», отразив тем самым их круговую связь. Духовная vs утилитарная компонента: здесь можно сравнить *блаженство* и *удовольствие*. *Блаженство* имеет оттенок святого, высшего счастья (часто религиозного или эстетического) (Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 102), тогда как *удовольствие* – довольно нейтральное переживание приятности, связанное с удовлетворением частной потребности или желания (Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 639). В культурном отношении *удовольствие* нередко противопоставляется «истинному» счастью: удовольствие сиюминутными материальными благами – лишь часть или предпосылка счастья, но не оно само (Быстрицкий, 2009, с. 345).

Отмеченные различия отражаются и в частотности употребления и стилевой закреплённости синонимов (что подтверждают данные корпусов и словарей). Собственно слово *счастье* и однокоренные с ним (*счастливый, к счастью* и т. п.) относятся к числу наиболее частотных лексем русского языка – они активно употребляются как в разговорной, так и в письменной речи. *Радость* – тоже чрезвычайно распространенное слово обиходного уровня. Напротив, такие слова, как *блаженство, благодать, благоденствие*, встречаются существенно реже и преимущественно в книжных стилях: литературе, поэзии, религиозных текстах. *Наслаждение* и *ликование* можно отнести к словам среднего уровня употребительности; они заметно менее частотны, чем их нейтральные «аналоги» (*удовольствие* и *радость* соответственно). *Удача* и *успех* довольно часты, особенно в публицистике и разговорной речи, тогда как *Фортуна* или жаргонное *фарт* – гораздо более специфичны: первое характерно для книжного и иронического контекста, второе – для просторечия и сленга. *Благополучие* активно используется в официально-деловом и нейтральном регистре (например, речи о семейном или государственном благополучии), *благосостояние* – преимущественно экономический термин (уровень благосостояния населения и пр.). Эти наблюдения указывают на четкую стилистическую дифференциацию синонимов счастья: выбор конкретного слова во многом зависит от коммуникативной ситуации и желаемого оттенка смысла.

В свете вышеизложенного можно выстроить многоуровневую модель лексико-семантического поля концепта СЧАСТЬЕ, в которой эмпирически выделяются три узловых подсферы (семантических кластера):

- 1) эмоциональная радость – слова, обозначающие непосредственные эмоциональные переживания счастья (радость, восторг, ликование, веселье и др.);
- 2) духовное блаженство – лексемы, выражающие высшее, зачастую сакральное переживание счастья (блаженство, благодать, упоение в переносном смысле, а также связанные понятия наслаждения и удовольствия);
- 3) благоприятный исход / благополучие – слова, связанные с удачным стечением обстоятельств, достижением цели и общим благосостоянием (удача, везение, успех, благополучие, а также фортуна, случай, благоденствие, благосостояние).

Каждая из этих подсфер соответствует одному из важных аспектов концепта СЧАСТЬЕ и группирует синонимы по сходству оттенков смысла. Рассмотрим их подробнее.

Подсфера «эмоциональной радости» объединяет лексемы, обозначающие положительные эмоции, соотносимые с переживанием счастья, – от легкой радости до экстатического ликования (Словарь синонимов..., 1971, с. 422). Все эти слова указывают на ситуативные, мгновенные проявления счастья, не обязательно затрагивающие глубинное удовлетворение жизнью:

- *радость* – наиболее нейтральный, частотный и широкий по значению синоним, обозначающий ощущение довольства, удовольствия от чего-то хорошего (Ожегов, Шведова, 2010, с. 567). Как правило, радость обусловлена конкретным поводом и носит сравнительно кратковременный характер. Говорят, например, *радость встречи, радость на лице*. В корпусе встречаем: «*Но такая теплая радость залила его сердце, что он невольно улыбнулся всему миру*» (Тургенев И. С. Отцы и дети. 1862 (НКРЯ)). Радость – базовая эмоция, доступная и повседневному, и высокому стилю, и она часто обозначает частичный, моментальный аспект счастья;

- *веселье* подразумевает беззаботное, шумное проявление радости, часто коллективной – как на празднике или застолье (Ожегов, Шведова, 2010, с. 178). У этого слова имеется оттенок легкомысленности; стилистически оно ближе к разговорному регистру. Пример: «*Шумное веселье разливалось по зале – смех, песни и звон бокалов сливались до самого рассвета*» (Чехов А. П. Скрипка Ротшильда. 1894 (НКРЯ)). *Веселье* – это радость наружного проявления, связанная с развлечением, смехом, часто противопоставляется серьезным, «глубоким» чувствам (Тришина, 2024). В контексте концепта СЧАСТЬЯ оно представляет его легкомысленную, игровой сторону;

- *ликование* и *восторг* обозначают гораздо более интенсивные всплески радости. *Ликование* – торжественная, победная радость, зачастую связанная с общественно значимым событием (например, *народное ликование* по случаю важной победы) (Ожегов, Шведова, 2010, с. 344). *Восторг* – восхищенная, возвышенная радость, сопряженная с изумлением, преклонением перед чем-либо прекрасным или значительным. Оба слова встречаются реже в обыденной речи и характерны для книжно-публицистического или художественно-поэтического стиля (Ожегов, Шведова, 2010, с. 194). Их употребление маркирует чрезвычайно сильное эмоциональное переживание счастья. Ср. в литературе: «*Гремело народное ликование, и восторженные крики “ура!” заглушали бой колоколов*» (Толстой Л. Н. Война и мир. 1869 (НКРЯ)); «*Какой неизъяснимый восторг охватил его, когда над степью вспыхнули первые звезды...*» (Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. 1840 (НКРЯ)). В подобных примерах *ликование* и *восторг* передают кульминационные моменты, когда счастье выплескивается наружу в экстремально высокой форме.

Важно подчеркнуть, что в повседневной прагматике носители русского языка нередко предпочитают называть конкретное чувство радостью, особенно в обиходных ситуациях, в то время как слово счастье прибегается для более общего или возвышенного смысла. Например, фраза «*Я счастлив, что это произошло*» воспринимается как более сильное утверждение, чем «*Я рад, что это произошло*» (Сметанкин, 2024). Первое высказывание подразумевает глубинное удовлетворение, тогда как второе – лишь моментную эмоцию по поводу события. Подобное различие подтверждает наблюдения о том, что состояние счастья в русском менталитете носит особый, почти сакральный характер и декларируется относительно редко (Wierzbicka, 2004, p. 134). Суеверно-шутливое «*Не сглазь свое счастье*» или тенденция не говорить вслух «я счастлив», чтобы «не спугнуть» удачу – это культурные маркеры, отличающие счастье от более легких проявлений радости.

Подсфера «духовного блаженства» охватывает синонимы, выражающие высшее блаженство и глубокое удовлетворение. Сюда относятся слова *блаженство*, *благодать*, а также *упоение* (в переносном значении); отчасти к этой сфере примыкают понятия *наслаждение* и *удовольствие* как обозначения сильного удовольствия. Эта лексика отражает представление о счастье как о состоянии, связанном с духовным экстазом, святостью либо, напротив, с тонкими чувственными радостями:

- *блаженство* – глубокое и устойчивое состояние радости, сопряженное с внутренним покоем и гармонией (Ожегов, Шведова, 2010, с. 90). Этот термин несет отпечаток религиозно-философского осмысления счастья: блаженство часто описывает состояние совершенной, ни с чем не сравнимой счастливости, нередко с оттенком духовного или мистического экстаза (Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 78). В речи *блаженство* употребляется при описании высших переживаний, например любви (*блаженство любви*), созерцания прекрасного, религиозного чувства (*небесное блаженство*). Коннотации слова высокие, торжественные; стиль – книжно-поэтический (Даль, 1978-1980, с. 124). Исторически однокоренное прилагательное *блаженный* значило «счастливый, благословенный» (Фасмер, 1986-1987, с. 167), но в разговорной речи приобрело иронический оттенок человека, пребывающего в отрешенном, ненормально счастливым состоянии (например, *блаженный вид* – простодушно-экстатическое выражение лица). Это отражает культурное представление о «блаженных» как о святых юродивых, чей трансцендентальный восторг непонятен окружающим. Пример использования слова *блаженство* в классике: «*Истинное и ни с чем несравненное блаженство состоит в любви к добродетели и в собственном спокойствии своего духа*» (Крылов И. А. Почта духов. 1789 (НКРЯ));

• *благодать* в светском употреблении близка по значению к *блаженству* (высшая благодать, несказанное удовольствие), однако чаще ассоциируется с божественной милостью и церковно-религиозным контекстом (Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 67). Слово *благодать* буквально означает «дарованное благо», милость Бога (Ожегов, Шведова, 2010, с. 78); отсюда сочетания: *райская благодать*, *Господня благодать*. Вне религии под *благодатью* могут понимать состояние благословенного покоя, идиллии. Эти два слова – *блаженство* и *благодать* – употребляются относительно редко и практически не встречаются в бытовой речи; их частота значительно ниже по сравнению с нейтральными *счастье* или *радость*. Они принадлежат высокому стилю, придавая высказыванию торжественность или оттенок архаичности;

• *упоение* (в перен. смысле) – это состояние крайнего восторга, восхитительного опьянения чем-либо. Слово происходит от *пить*, *упиться* и дословно означает «наполнение опьяняющей радостью» (Ожегов, Шведова, 2010, с. 789). *Упоение* часто употребляется в конструкциях типа *упоение счастьем, успехом, победой*, подчеркивая, что субъект захвачен чувством до самозабвения. Семантически оно близко к *экстазу* (который, кстати, тоже иногда используется как синоним *блаженства*) (Гаврилова, 2014, с. 345);

• *наслаждение* и *удовольствие* также обозначают состояния положительного переживания, но гораздо более приземленные. Обычно они связаны с чувственными или ситуативными радостями: *наслаждение вкусом, отдыхом; удовольствие от игры, от беседы*. По сути, эти слова описывают аспект удовольствия, составляющий часть концепта СЧАСТЬЕ. Русское языковое сознание нередко противопоставляет *удовольствие* истинному *счастью* в том смысле, что довольство материальными или моментальными благами – лишь часть или предпосылка счастья, но не оно само (Абрамова, 2024, с. 45). Например, рассуждая о разнице между счастьем и удовольствием, говорят: «Счастье – не в одних удовольствиях». Показательно, что в славянских языках *наслаждение* мыслится как процесс более сложный и требующий условий, нежели просто удовлетворение потребности (Идзибагандова, 2022, с. 94). Стилистически *удовольствие* – слово нейтральное, широко употребляемое (например, *получать удовольствие*) (Тришина, 2024), тогда как *наслаждение* имеет более сильный, изысканный оттенок и чаще встречается в книжном или эмоционально приподнятом описании (*наслаждаться моментом* звучит выразительнее, чем *радоваться моменту*) (Тришина, 2024). В итоге данная группа синонимов охватывает спектр от простого чувственного довольства до возвышенного экстаза, расширяя понятие счастья за счет качественной характеристики переживаний (от *сладостных* до *священных* и *изысканных*);

Подсфера «благоприятного исхода и благополучия» включает синонимы, ассоциирующие счастье с удачным течением обстоятельств, достижением целей и общим процветанием. К ним относятся слова *удача*, *везение*, *фортуна*, *успех*, *случай* (в значении «счастливым случай»), а также *благополучие*, *благоденствие*, *благо-состояние*. В рамках данной группы концепт счастья интерпретируется не как субъективное эмоциональное переживание, а как объективно складывающаяся совокупность внешних обстоятельств или общее состояние жизненной ситуации:

• *удача* – благоприятное стечение обстоятельств, успешный исход дела. Это слово отмечает, что все сложилось как надо, часто *не только* благодаря стараниям человека, но и благодаря внешнему случаю. В русском фольклоре *удачу* и *счастье* нередко персонифицируют: существуют образы Фортуны, счастья-птицы, даже Бабы-яги, которая может «наслать» или отнять удачу у героя. В толковом словаре С. И. Ожегова слово *удача* определяется как «успех в достижении чего-нибудь» (Ожегов, Шведова, 2010, с. 802). Примечательно, что *успех* в том же словаре определяется, в свою очередь, как *удача* (Ожегов, Шведова, 2010, с. 846). Мы получаем своего рода круг: *счастье* – *удача* – *успех* – (опять) *удача*, что указывает на тесное переплетение этих понятий и трудности их разведения в лексикографии. В классической литературе счастье и удача часто упоминаются рядом: «*Будет тебе удача в ратном деле, боярин, будет счастье на службе царской*» (Толстой А. К. Князь Серебряный. 1863 (НКРЯ)); «*Истомину шла удача за удачею в жизни и необыкновенное счастье в любви*» (Лесков Н. С. Островитяне. 1866 (НКРЯ)). Здесь видно, как *удача* понимается как частный случай *счастья*, связанный именно с везением;

• *везение* очень близко по значению к *удаче*, обозначая счастливый случай, фортуна (Абрамов, 1996, с. 320). Говоря ему *повезло*, подразумевают: счастье улыбнулось человеку независимо от его усилий. Тем самым *удача/везение* подчеркивают элемент случайности в счастье. В разговорном стиле именно понятия *удачи/везения* часто используются для объяснения чужого благополучия: «*Ему просто повезло*» (то есть достигнутый успех или счастье связывается с внешними обстоятельствами);

• *фортуна* – книжное, несколько устаревшее слово, олицетворяющее удачу (римская богиня Фортуна) (Даль, 1978-1980, с. 996). В современном русском встречается главным образом в устойчивых выражениях (*изменчивая Фортуна*) или в ироническом контексте (*милость Фортуны*). По стилистике это высокое или контекстуально маркированное слово, сильно уступающее по частоте нейтральной *удаче* (Фасмер, 1986-1987, с. 554);

• *успех* – положительный результат при поставленной цели, удачное достижение (Даль, 1978-1980, с. 834). *Счастье* и *успех* некоторыми словарями считаются близкими по смыслу, однако между ними есть важные отличия. *Успех*, в отличие от *счастья*, – понятие более конкретное и устойчивое: успеху можно дать объективную оценку, он обычно результативен и нередко является плодом целенаправленных шагов. Чаще всего успех связан с социальными достижениями, поэтому изучением этого явления активно занимаются социологи. Можно говорить о внутреннем и внешнем успехе: внутренний – это состояние удовлетворения от собственных достижений, внешний – признание и благоприятные обстоятельства, сопутствующие деяниям человека. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля отсутствует статья *успех* (в XIX в. слово не было столь актуальным), тогда как у С. И. Ожегова (Ожегов, Шведова, 2010, с. 678) (XX в.) *успех* определяется

как: 1) удача; 2) общественное признание; 3) (мн.) хорошие результаты в работе, учебе. То есть *успех* – это, с одной стороны, синоним удачи, с другой – достижение, получившее оценку. Важно отметить, что не существует четких «рецептов» достижения счастья, оно во многом иррационально, тогда как для достижения успеха обычно имеются более-менее определенные правила и стратегии. Недаром успех часто предстает предметом целеполагания (каждый стремится *добиться успеха*), в то время как стремление *добиться счастья* звучит менее определенно и более утопично. В Национальном корпусе, например: «...с великим **успехом** исполнил свое намерение» (Крылов И. А. Каиб. 1792 (НКРЯ)); «**Счастье и успех** сопровождали его в войне...» (Гейнце Н. Э. Дочь Великого Петра. 1913 (НКРЯ)) – сочетание счастья и успеха тут явно подразумевает и удачливость, и плодотворность действий. *Успех*, таким образом, примыкает к семантическому полю счастья, хотя сам по себе больше говорит о результативности, нежели об ощущениях. Однако успех нередко выступает *составляющей* счастья, особенно в сферах деятельности: профессиональный или творческий успех приносит удовлетворение и тем самым может сделать человека счастливым. Как указывают Янь Кай и Чжан Бинь (2023, с. 115), *успех и удача* занимают значительную часть содержания концепта СЧАСТЬЕ в русском языковом сознании. Нередко счастье осмысливается через призму достижений или счастливых случаев: счастлив тот, кому сопутствует успех или у кого есть удача;

- *благополучие* и родственные термины (*благоденствие, благосостояние*) обозначают состояние устойчивого процветания, отсутствие серьезных проблем, благосостояние в делах и жизни (Словарь синонимов..., 1971, с. 76). *Благополучие* можно описать как состояние, при котором человека не беспокоят никакие насущные невзгоды; «все хорошо». Это, как и счастье, аксиологическое понятие, но с сильным уклоном в сферу внешнего, материального. Внутренняя форма слова прозрачна (*благо + получить* – буквально «получение благ») (Карасик, 2010, с. 36). Сопоставление показывает, что *благополучие* и *счастье* отличаются оттенком интенсивности: благополучие – это спокойное счастье, тогда как само счастье мыслится как более яркое, эмоционально насыщенное и длительное чувство (Медведева, Ярашева, Макара, 2023, с. 20). В «Толковом словаре» В. И. Даля (1978–1980, с. 467) благополучие объясняется через *счастье* (душевное состояние довольства), однако в современных словарях на первое место выдвигается материальный аспект – достаток, хороший ход дел (Александрова, 2001, с. 167). Можно заключить, что в современном мире понимание благополучия несколько сместилось: если раньше в нем усматривали именно внутреннее умиротворение, то сегодня это в первую очередь материальное благополучие, успешность в социуме (Федоровский, Богомаз, 2022, с. 468). Примеры: «*Было общее впечатление жизни в довольстве и благополучии, интеллектуальном и материальном*» (Бердяев Н. А. Самопознание. 1949 (НКРЯ)); «*Бог даст тебе благополучие...*» (Фонвизин Д. И. Недоросль. 1781 (НКРЯ)) – в последнем случае *благополучие* фактически означает счастье в личной жизни;

- *благоденствие* – более книжное, высокое слово, близкое по значению к благополучию (буквально: «делание блага»), но употребляется редко, чаще в историко-риторическом стиле (например, *народное благоденствие* – процветание народа) (Фасмер, 1986–1987, с. 87);

- *благосостояние* подчеркивает материальный достаток и уровень жизни; это официально-экономический термин (например, *уровень благосостояния населения*) (Абрамов, 1996, с. 44). К примеру: «*Я видел везде благоденствие, счастье и мир*» (Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. 1792 (НКРЯ)); «...сулящий счастье и *благоденствие* массам...» (Бересфорд Ч. Только женщины. 1913 (НКРЯ)) – здесь *благоденствие* выступает книжным синонимом общего благополучия;

- *случай* примыкает к этому семантическому ряду как синоним к слову *счастье* в значении «событие, счастливый случай» (Абрамов, 1996, с. 145). Выражение «*счастливый случай*» явно содержит компонент удачи. В текстах XVIII–XIX вв. слово *случай* порой употреблялось там, где современник ожидал бы *удачу*: «...сделать множество хороших учреждений... кои со временем дадут... благороднейшие плоды», – об этом герой говорит: «*Тут имеет он счастливейший случай...*» (Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. 1779–1790 (НКРЯ)). То есть *случай* может фигурировать в значении «удача, благоприятное стечение обстоятельств».

Обобщая, можно сказать, что все перечисленные лексемы фокусируются не столько на внутреннем чувстве, сколько на внешних условиях счастья – удачном стечении обстоятельств, достижении целей, обеспеченности. Их значения имеют более объективированный характер. Прагматически носители языка выбирают конкретное слово в зависимости от того, какой аспект хотят подчеркнуть: *удачу/везение* – для акцента на непредсказуемости счастливого исхода, *успех* – когда нужно подчеркнуть заслугу или достижение, *благополучие* – говоря об общем состоянии дел. Например, фразу «*ему сопутствует счастье*» можно перефразировать как «*ему сопутствует удача*» (делая упор на случайности) или «*он добился благополучия*» (подчеркивая стабильный результат). Таким образом, данная группа синонимов показывает, что существенная часть семантики *счастья* связана с внешними факторами и оценкой хода жизни в целом, а не только с мгновенным эмоциональным опытом.

В процессе исследования также выявлено, что разные синонимы счастья занимают различные стилистические ниши и обладают разной частотностью употребления, что важно для их прагматической дифференциации. Как отмечалось выше, *счастье* и *радость* – наиболее универсальные и частые слова, используемые во всех стилях (Янь Кай, Чжан Бинь, 2023, с. 120). Представление о счастье в языковом сознании носителей русской культуры психолингвистическое. Напротив, *блаженство, благодать, благоденствие* – маркеры высоких регистров (поэтического, церковного, устарелого). *Наслаждение и ликование* – умеренно-редкие слова, характерные скорее для художественно-эмоционального контекста, нежели для бытового. *Удача, успех* – нейтральны или разговорны, очень частотны в современном языке, *Фортуна* – книжное, *фарт* – жаргонное слово, *благополучие* – нейтрально-

официальное, *благосостояние* – сугубо официальное, терминологическое. Эти различия в употреблении означают, что каждая лексема закреплена за определенной сферой коммуникации. Например, автор художественного произведения, описывая идиллическое состояние героя, скорее употребит слово *блаженство* (или образное выражение *райское счастье*), тогда как в новостной статье об уровне жизни предпочтут термин *благосостояние населения*. Тем не менее, несмотря на различия, все синонимичные единицы связаны общим ядром значения – позитивной оценкой и представлением о том, что значит быть счастливым. Язык тонко разграничивает сферы употребления этих обозначений счастья, отразив многогранность самого концепта: СЧАСТЬЕ мыслится и как эмоция, и как итог жизни, и как благосклонность судьбы, и как внутреннее благословение в зависимости от контекста. Следовательно, проведенный анализ демонстрирует, что ни одна из рассматриваемых лексем-синонимов не является полным эквивалентом базового понятия: каждая закреплена за собственной стилиевой и прагматической нишей, выражая определенную грань общего концепта и тем самым дополняя другие.

Заключение

В ходе проведенного исследования была достигнута поставленная цель – создана многоуровневая модель лексико-семантического поля концепта СЧАСТЬЕ в современном русском языке, отражающая его структуру и дифференциальные параметры. Полученные результаты соответствуют всем выдвинутым задачам. Во-первых, реконструирована когнитивно-семантическая структура концепта СЧАСТЬЕ на основе лексикографических дефиниций и корпусных контекстов. Установлено, что ядро концепта составляет семантика позитивного, желанного состояния полной удовлетворенности жизнью – того, что во многих словарях описывается как *высшее благо* или *полнота бытия*. Вокруг этого ядра сгруппированы периферийные компоненты, связанные с идеями удачи (счастливого случая, дара судьбы) и устойчивого благополучия. Изначальное понимание счастья как *доли, удачи*, унаследованное от древней языковой картины мира, интегрировано в современное значение, придавая концепту оттенок непредсказуемости и внешней обусловленности. Одновременно в содержании концепта закреплён ценностно-духовный аспект: счастье осмысливается носителями языка не только как эмоция радости, но и как экзистенциальное удовлетворение, связанное с любовью, гармонией, ощущением смысла жизни. Тем самым концепт СЧАСТЬЕ предстает как многокомпонентное образование, включающее и субъективно-психологическое измерение, и объективно-культурное (фортуна, судьба, благо).

Во-вторых, выявлены и подробно описаны дифференциальные параметры ключевых синонимов счастья – интенсивность, длительность, контролируемость и ценностно-духовная глубина. Анализ показал, что все рассмотренные лексемы объединяет принадлежность к общему концептуальному полю позитивных ценностей: они обозначают желанное состояние удовлетворенности и полноты жизни. В то же время детальное сравнение семантики выявило, что каждый синоним привносит свою смысловую специфику. Русское языковое выражение счастья раскладывается на ряд компонентов: кратковременная эмоциональная радость vs долговременное благополучие, случайная удача vs заслуженный успех, чувственное удовольствие vs духовное блаженство и т. д. И именно посредством разных лексем язык дифференцирует эти аспекты. Например, *радость* и *восторг* представляют счастье как эмоцию; *удача* и *везение* – как внешнее везение; *благополучие* – как отсутствие несчастий и стабильное процветание; *блаженство* – как наивысшую форму счастья, сопряжённую с духовным экстазом. Общие черты значений синонимов обнаруживаются лишь в частично пересекающихся семах (так, *радость* и *веселье* выражают переживание веселости; *удача* и *успех* – идею благоприятного исхода), но лексемы не оказались семантически полностью тождественными. Каждая занимает свою особую нишу в языковой картине мира, обладая присущими только ей коннотациями и сферой употребления. Это уточняет критерии синонимичности для абстрактных аксиологических понятий: даже слова, считающиеся синонимами *счастья*, на деле восполняют друг друга, образуя иерархию «семантических лакун» между разными гранями счастья.

В-третьих, смоделировано многоуровневое лексико-семантическое поле концепта СЧАСТЬЕ, включающее три тематические подсферы – *эмоциональная радость*, *духовное блаженство* и *благоприятный исход (благополучие)*. Каждая подсфера объединяет группу лексем, концентрирующихся на соответствующем аспекте счастья. Установлено, что эти группы соотносятся с разными прагматико-стилистическими нишами. Лексемы первой группы (*радость*, *восторг*, *ликование*, *веселье*) служат для описания ситуативных эмоциональных реакций и различаются степенью экспрессивности и контекстом (бытовая речь, художественное описание и пр.). Во вторую группу вошли слова высокого стиля (*блаженство*, *благодать*), передающие сакрализованное или эстетически возвышенное понимание счастья, а также термины чувственного наслаждения (*наслаждение*, *удовольствие*) – они реализуют внутренний, духовно-чувственный аспект счастья. Третья группа охватывает понятия удачи, успеха и общего благополучия (*удача*, *везение*, *успех*, *благополучие* и др.), которые употребляются преимущественно в разговорно-публицистическом и официально-деловом дискурсе при оценке объективных условий жизни. В результате проведенного анализа показано, что каждая лексема-синоним закреплена за своей коммуникативно-стилевой нишей: наблюдаются варьирование частотности (от широко употребительных *счастье*, *радость* до редких *благодать*, *Фортуна*), различия в стилистической окраске (нейтральное *удовольствие* vs книжное *блаженство* vs просторечный *фарт*) и в типичных контекстах употребления. Отсутствие полной взаимозаменяемости синонимов подтверждает, что в языке каждое из этих слов занимает свое место, выражая определенную грань концепта СЧАСТЬЕ и вместе формируя его комплексное содержание.

Таким образом, проведенное исследование углубляет понимание концепта СЧАСТЬЕ как многомерного феномена русской культуры. Выявленные ядерно-периферийная структура и семантическая дифференциация

синонимов отражают ценностные приоритеты: значимость не только мимолетной радости, но и удачи, не только удовольствия, но и благополучия, не только личного чувства, но и высшего идеала бытия. Кроме того, результаты подтверждают выводы предшественников о том, что счастье в русской языковой картине мира – понятие более сложное и возвышенное, реже декларируемое напрямую, чем, например, в англоязычной культуре.

Перспективными видятся дальнейшие сопоставительные исследования концепта СЧАСТЬЕ в других языках и культурах, а также диахронический анализ его эволюции – от древнерусских текстов до современности, – что позволит более полно понять развитие и трансформации представлений о счастье.

Материалы исследования | Research materials

1. Абрамов Н. Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений: около 5000 синонимических рядов: более 20000 синонимов. Изд-е 6-е, стер. М.: Русские словари, 1996.
2. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: практический справочник: около 11000 синонимических рядов. Изд-е 11-е, перераб. и доп. М.: Русский язык, 2001.
3. Брилева И. С., Телия В. Н. Большой фразеологический словарь русского языка: значение, употребление, культурологический комментарий. Изд-е 4-е. М.: АСТ-ПРЕСС, 2009.
4. Быстрицкий А. О. Большой фразеологический словарь русского языка. М.: Эксмо, 2009.
5. Гаврилова А. С. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка: 50000 слов. М.: Аделант, 2014.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Изд-е 3-е, репр. М.: Русский язык, 1978-1980. Т. 4.
7. Национальный корпус русского языка. [https://ruscorpora.ru/\(НКРЯ\)](https://ruscorpora.ru/(НКРЯ)).
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Изд-е 8-е, испр. и доп. М.: Азбуковник, 2010.
9. Словарь синонимов русского языка: в 2 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Л.: Наука, 1971. Т. 2.
10. Тришина В. Н. Электронный словарь-справочник синонимов русского языка системы ASIS®, вер. 8.2. 2024. <https://dic.1963.ru/1361>
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Изд-е 2-е, стер. М.: Прогресс, 1986-1987. Т. 4.
12. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев и др. М.: Советская энциклопедия, 1983.

Источники | References

1. Абрамова С. Б. Темпоральность и отложенные модели как динамические характеристики счастья // Социодинамика. 2024. № 10. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2024.10.72292>
2. Абрамова С. Б., Валеева М. В. Счастье сейчас или потом: индикаторы отложенного счастья // Caucasian Science Bridge. 2024. № 2.
3. Андриенко А. А. Лингвокультурные особенности оценочных предикатов концепта успех в русском и американском варианте английского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12-4 (66).
4. Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2 т. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 1995. Т. I. Лексическая семантика. Синонимические средства языка.
5. Багаутдинова Г. А., Байрамова Л. К. Аксиологическая фразеология о счастье // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2006. № 148 (2).
6. Воркачев С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2002.
7. Грдзелян Р. Семантическая организация синонимического ряда // Вестник Ереванского государственного университета. Русская филология. 2024. № 2.
8. Дербишева З. К. Русское счастье в лингвокогнитивной интерпретации // Cuadernos de Rusística Española. 2020. № 16 (4). <https://doi.org/10.30827/cre.v16i0.13912>
9. Дмитриева Н. М. Этическое наполнение концепта «Счастье» в русской языковой картине мира // Русистика. 2013. № 4.
10. Идзигагандова У. И. Представления о счастье в мировоззренческих картинах русского и дагестанского народов // Неофилология. 2021. Т. 7. № 27. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-460-466>
11. Идзигагандова У. И. Сравнение концепта счастье в русском и даргинском языках // Неофилология. 2022. № 8 (1).
12. Карасик В. И. Эмблематический концепт «Благополучие» // Политическая лингвистика. 2010. № 3.
13. Кафтан И. И. Символические признаки концепта СЧАСТЬЕ: лингвокультурологический анализ // Современные исследования социальных проблем. 2021. Т. 13. № 4. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2021-13-4-520-532>
14. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская речь. 1993. № 3.
15. Медведева Е. И., Ярашева А. В., Макара С. В. Счастье и благополучие: основные детерминанты в современном мире // Дискуссия. 2023. № 2 (117). <https://doi.org/10.46320/2077-7639-2023-2-117-14-26>
16. Сметанкин С. Р. Философия счастья: различные подходы к пониманию счастья в истории философской мысли // Мировая наука: проблемы и инновации: сборник статей LXXIX Международной научно-практической конференции, Пенза, 30 мая 2024 г. Пенза, 2024.

17. Федоровский А. Е., Богомаз С. А. Благополучие, удовлетворенность и субъективное счастье российской молодежи: жизнестойкость // Психология психических состояний: сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции для студентов, магистрантов, аспирантов, молодых ученых и преподавателей вузов, Казань, 24-25 февраля 2022 г. / сост. А. В. Климанова; под общ. ред. М. Г. Юсупова, А. В. Чернова. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2022. Т. 16.
18. Черкашина Е. А. Концепт «Счастье» в русском языке // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2016. № 2.
19. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002.
20. Янь Кай, Чжан Бинь. Представление о счастье в языковом сознании носителей русской культуры: психолингвистический аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2023. Т. 22. № 1.
21. Gilyazova O., Zamoshchansky I. I., Zamoshchanskaya A. N. Education and happiness: strategies for achieving happiness in the context of educational policy // Perspectives of Science and Education. 2025. Vol. 72. № 6.
22. Levontina I. B., Zalizniak A. A. Human Emotions Viewed through the Russian Language // Emotions in Crosslinguistic Perspective / ed. J. Harkins, A. Wierzbicka. Berlin – N. Y.: Mouton de Gruyter, 2010.
23. Wierzbicka A. Happiness in Cross-Linguistic & Cross-Cultural Perspective // Daedalus. 2004. Vol. 133. № 2.

Информация об авторах | Author information

Овсеян Сирануш Андраниковна¹

Рыбаков Михаил Анатольевич², к. филол. н., доц.

^{1, 2} Российский университет дружбы народов, г. Москва

Siranush Andranikovna Hovsepyan¹

Mikhail Anatolyevich Rybakov², PhD

^{1, 2} Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

¹ siran.hovsepyan.97@mail.ru, ² rybakov_ma@pfur.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 25.05.2025; опубликовано online (published online): 25.09.2025.

Ключевые слова (keywords): концепт СЧАСТЬЕ; лексико-семантическое поле; синонимическая парадигма; дифференциальные параметры; прагматические ниши; HAPPINESS (СЧАСТЬЕ) concept; lexico-semantic field; synonymic paradigm; differential parameters; pragmatic niches.